

Сергей Кузнецов

Феноменология

<https://litres.ru/74668304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Феноменология — это философская школа, основанная Эдмундом Гуссерлем в начале XX века, которая изучает структуры сознания и непосредственный опыт человека. Основное внимание уделяется тому, как явления воспринимаются и осознаются, а не тому, как они могут быть объяснены через объективные и научные категории.

Ключевые аспекты феноменологии:

Интенциональность: идея о том, что сознание всегда направлено на что-то, то есть каждый акт сознания содержит объект или явление, на которое оно направлено.

Эпохе: метод временного «отстранения» от предвзятых представлений и научных теорий для того, чтобы сосредоточиться на непосредственном опыте.

Субъективный опыт: акцент на том, как индивидуумы воспринимают и понимают свои переживания и мир вокруг них.

Успехи феноменологии включают ее влияние на различные области, такие как психология, социология, искусство и теория литературы, а также её развитие в работах таких философов, как Мартин Хайдеггер, Морис Мерло-Понти и др.

Это все в книге.

Сергей Кузнецов

Феноменология

Феноменология (нем. *Phänomenologie* — «учение о феноменах») — направление в философии XX века, определявшее свою задачу как беспредпосылочное описание опыта познающего сознания и выделение в нём сущностных черт.

Феноменология началась с тезиса Эдмунда Гуссерля «Назад, к самим вещам!», который означает необходимость отказаться от построения дедуктивных систем философии, а также от редукции вещей и сознания к каузальным связям, изучаемым науками.

Задача феноменологии — познание полной системы образований сознания, конституирующих объективный мир.

Методами феноменологического исследования являются непосредственное созерцание (очевидность) и феноменологические редукции.

Дальнейшее своё развитие идеи феноменологии получили в экзистенциализме, персонализме, философии жизни, герменевтике.

О понятии феноменологии

Хорошо знакомое сегодня многим понятие феноменологии, обозначающее ныне специфическое философское направление, имеет немалую историю и возникло задолго до XX в.

Сегодняшний уровень знакомства с первоисточниками позволяет говорить о двух мыслителях, введших в оборот данный философский термин, - теософе, алхимике и пиетисте Фридрихе Кристофе Ётингере (1702-1782) и философе, логике и математике Иоганне Генрихе Ламберте (1728-1777).

Еще в 1736 г. в дневнике, написанном в Халле, Ётингер дважды употребил понятие феноменологии.

В печатной же форме это понятие впервые встречается у него в 2-томной работе 1762 г. "Философия древних...".

Однако если учесть, что Ётингер даже в XVIII в. был мало известен, а слава Ламберта была в то время европейской, то можно предположить, что на дальнейшую судьбу термина главное влияние оказал именно Ламберт.

Впервые он использовал понятие феноменологии в датируемом все тем же 1762 г. наброске, представленном на конкурс Берлинской академии наук по проблеме очевидности в метафизике: «"Феноменология, или Трансцендентальная оптика" есть учение о видимости».

Однако этот набросок Ламберта впервые был опубликован лишь в 1918 г.

Тем не менее основные идеи, изложенные в нем, содержатся и в главных произведениях Ламберта - "Новом Органоне, или Мыслях об исследовании и обозначении истинного и его различении от заблуждения и видимости" (1764) и "Архитектонике, или Теории самого простого и первого в

философском и математическом познании" (1771).

Оба произведения были очень известны во второй половине XVIII в. и оказали немалое влияние на философов того времени - например на Иммануила Канта или Иоганна Николауса Тетенса.

Ныне же Ламберт, равно как и его работы оказались незаслуженно забытыми, что и приводит, в частности, к распространению представлений о том, будто феноменологию как дисциплину создал Эдмунд Гуссерль или же Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Основной работой Ламберта по феноменологии является его "Новый Органон", состоящий из четырех частей: "Дианологии, или Учения о законах мышления", "Алетологии, или Учения об истине", "Семиотики, или Учения об обозначении мыслей и вещей" и "Феноменологии, или Учения о видимости".

В свою очередь, феноменология распадается у Ламберта на шесть разделов: "О видах видимости", "О чувственной видимости", "О психологической видимости", "О моральной видимости", "О вероятности" и "Об обозначении видимости".

Таким образом, главный предмет рассмотрения феноменологии - это видимость в ее различных проявлениях, а также пути ее преодоления.

Среди разновидностей видимости Ламберт различает органическую (патологическую), физическую, идеалистиче-

скую, психологическую и моральную видимость. В этом списке отсутствует центральный для Канта вариант видимости - трансцендентальная видимость.

Ее введение, а также приписывание подобной видимости рассудку и разуму - высшим познавательным способностям, которые Ламберт считал свободными от видимости, - привели Канта к некоторым центральным тезисам его критической философииб.

Тем не менее, само понятие трансцендентального Ламберту хорошо знакомо. Оно встречается у него в двух вариантах - в латинском как "трансцендентальное" и в немецком как "трансцендентное", что еще раз свидетельствует о том, что до Канта содержательного различия между трансцендентальным и трансцендентным практически не существовало.

Для того чтобы "заключать от видимости к истинному" и отличать в метафизике видимость от истины, Ламберт выдвигает идею особой науки, которую он по аналогии с астрономией называет на немецком языке "трансцендентной оптикой" (*transcendente Optik*), а на латыни - "трансцендентальной оптикой" (*optica transcendentalis*). Кроме того, задачей феноменологии Ламберт называет изображение видимости как видимости - "трансцендентная перспектива".

Но не только понятие феноменологии, но и термин "трансцендентальная феноменология" не является изобретением Гуссерля.

По меньшей мере, его употребляет уже в статье 1761-1762

гг. "Понятие и задача учения о познании" Якоб Зенглер (1799-1878). Четвертый раздел своей статьи он озаглавил следующим образом: "Феноменологическое учение об обосновании".

Эмпирическая и трансцендентальная феноменология этого учения".

Разрабатываемое учение автор называл еще не "теорией познания", а "учением о познании" (Erkenntnislehre), или "знанием знания": дело в том, что сам термин теории познания (Erkenntnistheorie) был введен Эдуардом Целлером в 1862 г., в год публикации окончания статьи Зенглера, который сам еще употребляет лишь прилагательное "теоретико-познавательный".

Такая характеристика служит для Зенглера синонимом трансцендентального. Различие между эмпирической и трансцендентальной феноменологией Зенглер описывает следующим образом: "В своей эмпирической феноменологии философия развивает саму себя в этой форме или как догматическое знание и догматизм, в котором идея знания имеет форму данного бытия.

В трансцендентальной феноменологии эта форма познается со стороны Я как необходимая предпосылка своего собственного развития, так как я может начать собственное развитие в качестве Я только со своих форм созерцания и представления, и так как поэтому в данном развитии посредством этих форм налично только феноменологическое Я, ко-

торое через них опосредует свою собственную сущность и открывает себя как таковое".

По мнению немецкого философа, для перехода от эмпирической феноменологии к трансцендентальной требуется сознание, осознание Я: Я "должно само себя развивать или оно обладает сознательной историей, в которой оно лишь постепенно проступает в своей чистой сущности сквозь явление, или оно имеет трансцендентальную феноменологию в качестве предпосылки своей трансцендентальной логики, в которой оно полагает себя в своей чистой сущности".

Итоги же своих размышлений Зенглер подводит так: "Эмпирическая феноменология учит: мысли в соответствии с данным бытием, анализируй его и выставляй собственное всеобщее в качестве такого принципа дедукции и конструкции, из которого снова аналитически развивается особенное.

Но трансцендентальная феноменология говорит: мысли сущее с внутренней достоверностью, совпадающей с собственной сущностью.

Ведь трансцендентальное знание ведет через эмпирическое созерцание и логическое понятие к идее и к идеальному.

В идее и в идеальном бытие совпадает с собственной сущностью, и они к тому же требуют этого совпадения, если его нет в действительности".

Феноменология: основные идеи и значение для исторической науки

Общеизвестно, что философия и методология науки является на сегодняшний день признанной и престижной областью философских исследований, за которой стоит достаточно большая традиция. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что мыслители, внесшие наиболее заметный вклад в эту сферу исследований, имели в основном естественно-научное образование, и поэтому современная философия науки является по преимуществу философией естествознания.

Что же касается философской рефлексии над методологическими основаниями гуманитарного знания, то она более молода и не имеет за собой такой сложившейся традиции, как философия и методология физикоматематического знания.

Данное обстоятельство указывает на настоятельную необходимость продумывания и разработки философии социально-гуманитарного знания.

Ниже мы постараемся наметить наиболее важные точки соприкосновения между исторической наукой и одним из самых известных философских направлений XX в. - феноменологией. В нашу задачу входит продемонстрировать всю важность идей феноменологической философии для ученого-гуманитария, историка.

Феноменология представляет собой одно из ведущих и самых влиятельных направлений в философии и культуре XX в. Основателем этого направления является немецкий фило-

соф Э. Гуссерль.

Идеи Гуссерля оказали огромное воздействие на современную философию и получили дальнейшую разработку в рамках экзистенциализма, герменевтики, философской антропологии. В качестве примера на этот счет можно привести имена следующих философов: М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, М. Шелер, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Э. Левинас, Г. Марсель, П. Рикер, Ж. Деррида.

Если попытаться кратко озвучить лейтмотив гуссерлианской философии, то он окажется созвучным одной из самых древних философских проблем: проблеме обоснования знания.

В одном из главных своих произведений «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913) Гуссерль ставит перед собой задачу найти так называемую аподиктическую, т. е. не могущую быть подвергнутой сомнению основу всех наук и всего знания вообще и предлагает метод, с помощью которого можно было бы обнаружить эту основу. Этот метод Гуссерль назвал феноменологической редукцией.

В общем суть феноменологической редукции - попытка воздержаться от суждения о существовании всего того, в чем можно усомниться. Чтобы понять, как «работает» феноменологическая редукция и к чему она в итоге приводит, обратимся к следующему примеру.

Представим, что мы видим перед собой некий предмет,

например, дерево. Данное обстоятельство еще ничего не говорит о достоверности нашего восприятия. Может оказаться, что мы спим или галлюцинируем. И тем не менее, если мы видим перед собой дерево, то без колебаний можем утверждать, что достоверно само сознание видимого. Эту мысленную направленность сознания на предмет, в которой данный предмет получает смысл воспринимаемого, безотносительно к тому существует он на самом деле или нет, Гуссерль называет интенциональностью.

Именно интенциональность и неотделимые от нее интенциональные объекты или феномены составляют, по мнению Гуссерля, сферу аподиктического знания. В этой связи феноменология - это и есть учение об интенциональных объектах или феноменах, а одним из ее методов (помимо феноменологической редукции) является феноменологическая дескрипция, т. е. описание как самих интенциональных объектов, так и тех способов, с помощью которых они даются сознанию.

Ясно, любая наука социально-гуманитарного цикла подразумевает прямое или косвенное обращение исследователя к человеческому сознанию. В этой связи феноменология является сопутствующим моментом исторической науки в том числе. Спрашивается: как меняется историческое исследование, какую направленность приобретает взгляд ученого-гуманитария, когда его основой становится феноменология?

Если принять принцип интенциональности сознания за

отправную точку отчета, тогда объектом социально-гуманитарного анализа будет уже не объект сам по себе (например, государство, реформа, революция и т. д.), а тот смысл, который этот объект получает в сознании человека, субъекта. Приведем на этот счет небольшой пример.

Обращение к дореволюционному периоду истории России позволяет выделить один любопытный феномен: двойственное отношение народа к власти.

Речь идет о том, что массовое сознание, народ положительно оценивает первое лицо в государстве - царя, симпатизирует ему и крайне негативно относится к так называемым государственным людям, чиновникам, начальству и т. д. Подобная ситуация наглядно проявляется в период крестьянских восстаний и войн.

Например, восставшие под предводительством И. Болотникова, С. Разина, Е. Пугачева угрожали истреблением чиновникам, всему начальству, но при этом настаивали на верности царю. Так, Разин говорил о своем желании послужить «великому государю» и приговоренный к смерти, надеялся на встречу с царем, чтобы «изустно защитить дело свое», а Пугачев в одном из своих указов утверждал, что он «жалует всех находящихся в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными собственно короны».

Прояснить столь странное на первый взгляд поведение народа помогает тот смысл, который придавал русский крестьянин царю и самому государству.

Государство в сознании крестьянина-общинника - это не безличная, анонимная структура, а большая семья, а царь - не глава сословной бюрократии, а отец, который всегда заботится о своих детях.

Руководствуясь, таким образом, патриархальной моделью осмысления государства, народ придавал верховной власти отеческие черты и негативные оценки на нее не распространял, а всякий третий элемент, выступающий как бы посредником между царем и народом, наоборот, осмыслялся как элемент лишний, постоянно нарушающий и искажающий интимный, непосредственно личный контакт между царем-батюшкой и его детьми.

Отсюда и формула: «царь хочет, бояре не дают» проявляющаяся, например, в отклонении царских грамот, манифестов под предлогом, что они якобы поддельные, и даже в борьбе против царских войск мотивированной тем, что сами войска посланы не царем, а боярами.

Далее, принимая на вооружение принцип интенциональности сознания, ученый-гуманитарий, историк должен уже не просто руководствоваться в своем исследовании «тем, что было реально», происходило «на самом деле», но спрашивать, а что, собственно, «реальным» считало само сознание, что оно полагало «действительным».

Автор одной из философских работ по отечественной истории А. С. Ахиезер предлагает на этот счет любопытный материал.

Анализируя социокультурную динамику дореволюционной России, он обращает внимание на то, сколь значимыми были для массового крестьянского сознания всевозможные слухи, утопии, легенды.

Например, в 1831 г. во время эпидемии холеры народ искал реальных живых виновников этой болезни. Распространился слух о том, что чиновники, интеллигенция, доктора рассыпают по дорогам яд, отравляют хлеб и воду.

Это привело к восстанию солдат, к которому затем присоединилось население города Старая Русса (Новгородская губерния).

В донесениях полиции отмечалось, что восставшие толпами охотились за докторами, офицерами и т. д., требуя у них признания в том, что они отравили воду. Более ста офицеров, врачей и начальствующих лиц умерло от побоев. Или такой пример. В 1839 г. в ряде российских губерний свирепствовали опустошительные пожары в связи с великой засухой. По этому поводу в справке III отделения говорилось: «В народе возникли толки о поджогах, и когда в некоторых селениях были учреждены караулы и конные разъезды, то жители, признавая эти меры подтверждением их догадок, распространяли превратные слухи, что поджигают чиновники или помещики для разорения своих крестьян прежде отобрания их в казенное ведомство, или же евреи из мщения за установление между ними рекрутской повинности. Ожесточенный народ возмущался против властей, ловил на пожарах

проходивший и проезжающих лиц, вынуждал от них признание в преступлении побоями и нескольких человек предали пламени».

На волне таких слухов возникали массовые движения. Люди, продавая имущество, поодиночке или группами до нескольких сот человек пускались на поиски неких земель, в которых, как утверждалось в слухах, легендах, выдают паспорта на проезд в какие-то земли на вольные поселения или сидит царь и лично явившимся раздает волю и т. д.

Из этих и многих других подобных примеров видно, что то, что одна категория населения расценивала как воображаемое и иллюзорное, то вторая считает вполне реальным и кладет в основу своих действий.

В этой связи, можно отметить, что с феноменологической точки зрения «иллюзорное», «воображаемое» столь же важный объект для социальногуманитарного исследования, как и то, что называется «реальным», «действительным».

Наконец, принцип интенциональности, требующий рассматривать не событие само по себе, а тот смысл, который он получает в сознании человека, помогает глубже понять столь важную для обществоведа и гуманитария разницу между астрономическим, календарным временем и временем социальным, историческим.

Обратимся еще раз за примером к отечественной истории. В российской истории XIX в. мы встречаем поистине эпохальное событие - реформа отмены крепостного права.

Историки не раз обращали внимание на то массовое разочарование, которое вызвала эта реформа среди крестьян.

Ключом к пониманию этой ситуации может послужить опять же разность тех смыслов, которые вкладывал крестьянин в свое существование, и те реформаторы, которые хотели изменить это существование, освободить крестьян.

Следует заметить, что при всей радикальности реформы ее выгоды носили, скорее, потенциальный характер. То есть они могли быть извлечены из реформы при определенном уровне самосознания и активности.

Можно сказать, что реформа требовала тот тип человека, который интенсивно распространялся в Западной Европе, начиная с XVII в., и получил название «субъекта».

Однако наиболее радикальным требованием крестьян продолжал оставаться переход от помещика под власть царя, который они понимали как переход в разряд государственных крестьян, в «казну».

То есть подавляющая масса крестьян по-прежнему осмысляла себя как «объект» заботы справедливого отца. В этой связи можно предположить, что то, что для реформаторов было уже «прошедшим», для крестьянства все еще оставалось «настоящим». Из этого примера ясно видно, что ход социального, исторического времени для разных категорий населения разный, тогда как астрономическое, календарное время течет для всех одинаково.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.